

⁷¹ Щепанская Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2003. № 2. С. 174.

⁷² Лезте А. Сету как собеседники // Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб., 2002. С. 72–73.

⁷³ Граница и люди. Воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб., 2005. С. 13.

⁷⁴ Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003. С. 24.

⁷⁵ Дианова Т. Б. Формы фольклорной трансмиссии // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Иванова. М., 2003. С. 8–9.

⁷⁶ А ргоро признаюсь. Спустя некоторое время болезнь утратила свои внешние проявления, но имели место последствия иного – сугубо личного психологического свойства, о которых я умолчу. Вместе с тем мой опыт общения со знающей дает право предупреждать коллег о непредсказуемости и опасности подобного лечения, т. е. смене статуса исследователя на статус пациента.

⁷⁷ Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. С. 5.

В. Я. Бутанаев

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОЖДЕНИИ, ЖИЗНИ И СМЕРТИ У САЯНСКИХ ТЮРКОВ

Человек, как и любое живое существо, рождается и живет благодаря особой жизненной силе, называемой саянскими тюрками (хакасами, тувинцами, алтайцами) *хут*. Для рождения ребенка женщине необходима жизненная сила. Мифическая процедура получения зародыша в шаманизме носит название *хут урарга* – букв. «вливать хут». Вероятно, поэтому мужской детородный орган называется *хутах* – т. е. дающий душу – жизненную силу. По мнению саянских тюрков, ребенок зарождается в человеческой печени (по-хакасски *паар*, по-тувински *баар*). Отсюда в хакасском языке употребляется выражение: *паарымнанг сыххан палам* – мой ребенок, вышедший из печени, а в тувинском *баарлаш* – вступать в родственные отношения друг с другом. Согласно народным представлениям, именно в области печени происходят душевные и моральные муки, здесь сосредоточиваются сердечность, доброта и приветливость. Маленьким детям нельзя сильно плакать (особенно мальчикам) и смеяться, иначе их печень может затвердеть (*паары кезип парар*), что приведет к печальным последствиям (*баары ажыыр*).

Душа загубленного при родах ребенка (например, так могла сделать девица, не пожелавшая иметь внебрачное дитя), называется у хакасов *аан*. Аан мстит людям и приносит несчастья. Слово, по всей видимости, восходит к древнетюркскому *аган* – покаяние¹. В таком случае люди должны каяться за содеянный грех. И душа загубленных и замученных животных носила название *аан*.

Кости (*сеок*) рассматриваются как исходная, самая глубинная сущность человека². Помимо прямого назначения это слово употребляется еще и со значениями «род» и «порода», черты которых наследуются по костной основе и крови. Например, беременную называли *ики сеоктиг* – букв. «имеющая две кости», т. е. носящую свой род и род отца ее ребенка. Человек чистой породы, с особыми задатками и интуицией (*ындырт*), остро чувствующий присутствие нечистых сил (*пуртах*) и не выносящий их, называется *арыг сеоктиг* – букв. «имеющий чистую кость». Если он случайно зайдет в дом больного, роженицы, покойника или окажется в обиталище нечистых духов, то непременно заболит (*пулайсын*). Человек чистой породы видит вещие сны, может предсказать судьбу, оказать помощь в лечении. Подвижный человек, легко впадающий в транс, называется *ниик сеоктиг* – букв. «имеющий легкую кость» или *ниик чюллиг* – «с легкими сочленениями». Представителей указанных двух пород людей, т. е. людей с чистой и легкой костью, еще называют *ызых кизи* – «священный человек».

Встречаются люди «тяжелой породы» (по-хакасски *аар сеоктиг* или *аар чюллиг*). Они действуют на окружающих подавляющим образом. Если такой человек зайдет в дом больного (например, корью), то болезнь еще больше усилится. После выхода из юрты человека с «тяжелой породой» больного обмахивали мужской одеждой (способ лечения) и заклинали: «Притяни свою тяжесть!» (обратно). Простой человек, не имевший особых вышеупомянутых задатков, назывался *пуртах сеоктиг* – букв. «с нечистой костью». По мнению тюрков Саяно-Алтая, кости человека после смерти становятся очень тяжелыми, и поэтому конь, везущий тело на кладбище, сильно устает. После похорон его отпускали на годовой отдых – *хур*.

Ногти считаются остатками древнего покрова тела предков. Состриженные ногти нельзя разбрасывать. Верили, что человек из-за этого потеряет счастье, а скот, наступивший на них, заболит недугом под названием *тугенек*, т. е. «ноготь». Состриженные ногти, как, впрочем, и волосы, по обычаю, сжигались на огне. Во время обряда сжигания ногтей хакасы произносили следующие слова: «Когда хвост

верблюда дорастет до земли, когда рога горного козла *теке* достигнут неба, тогда встретимся!» Или: «Когда рога горного козла вырастут до неба, когда рога сохатого достигнут облаков, тогда встретимся!» Заговор соответствует русскому выражению «когда рак на горе свистнет» и служил пожеланием вечной жизни. Среди северных хонгорцев – кызыльцев состриженные ногти не сжигали, а зарывали в землю со словами: «Когда рога лягушки вырастут с топориче, тогда возьму! Когда рога марала вырастут с горный хребет, тогда возьму!»³. Тувинцы обрезая ногти, прячут их в землю со следующими заклинаниями: «*Сен мени азаларга чугаалаба, мен сени инекке чугаалабасмен*». – «Ты обо мне не говори черту (чтобы он не похитил душу, обитающую под ногтями), я о тебе не скажу корове (чтобы те не нашли и не съели ногти)»⁴. Ногти человека, видимо, отождествлялись с рогами животных, имеющих способность к постоянному росту. Разные способы «захоронения» ногтей свидетельствуют, вероятно, о разных обычаях, связанных с захоронением покойников в древние времена. Хакасы верили, что ногти радуются смерти своего хозяина. «Наш хозяин, который нас резал, лег в землю и сгниет, – думали ногти, – теперь мы прорастем сквозь его сердце!». В отличие от них волосы якобы печалются: «Наш хозяин, который нас прихорашивал, лег в землю и сгниет, – плакали они, – теперь мы превратимся в гнездо для мышей!».

Ногти и волосы у саянских тюрков относятся к жизненно важным частям тела. Вторичный волосаяной покров, т. е. брови и волосы на голове, имеют хакасское название *ымай сазы*, т. е. волосы, данные богиней Умай. За волосами ухаживали только днем. Считается, что у живого человека душа – жизненная сила *хут* – днем находится под ногтями ног, что придает особую энергию нижним органам. На ночь она, боясь темноты, поднимается под корни волос головы человека, а также прячется под ногтями рук, поэтому ночью нельзя стричь ногти на руках и расчесывать волосы, иначе человек погибнет – «вычесет хут». Обрезание ногтей в запретное время влечет за собой захват нечистой силой «обнаженной» души – *хут* и, как следствие, болезнь человека. В отличие от людей Солнечного мира, которые клянутся словами *обал-худай*, т. е. ей-богу, *юзюты* – души умерших людей – при клятве могли произнести: «Пусть я стану волосом, расчесанным ночью, пусть я стану молоком, размешанным с водой!». Представление о передвижении души в теле зафиксировано у тувинцев также относительно животных. Тувинцы местонахождение души – *кут* – у животных связывали с фазами луны. На новолуние душа животного сосредоточивалась в голове. По мере увеличения диска луны душа передвигалась в центр тела, а когда луна шла на убыль, душа перемещалась в ноги животного. Затем круговорот повторялся⁵.

Саянские тюрки никогда не выбрасывают вычесанные или состриженные волосы. Их собирают и в определенный день на новолуние сжигают. Если волосы выбросить на улицу, то, по поверьям, птицы из них соведут гнездо, а во время высиживания птенцов у выбросившего будет болеть голова. Женщинам, в силу обычая избегания, запрещалось показываться с непокрытой головой перед старшими родственниками мужа, а ночью выходить в таком виде на улицу. Если Луна и звезды увидят открытую голову женщины, то волосы ее выпадут и обнаженная душа *хут* останется беззащитной. В связи с этим поверьем на улице женщины обязаны носить головные уборы. Если у черноволосых юношей на голове имеется прядь седых волос, то его называют *ызых сас* – «святые волосы». Их нельзя вырывать, иначе потеряешь счастье. Это отметина горных духов. Идентичное представление существует у алтайцев, бурят и других народов Центральной Азии.

Незамужние девушки заплетали много косичек, называемых *сюрмес*. Замужние женщины носили две косы – *тулунг*. В том случае, если у женщины имелись родные братья, она была обязана к двум косам со стороны затылка приплетать по маленькой косичке *ызых сюрмес*, букв. «священная косичка». Считали, что к ней притягивается душа братьев (*харындас чулазы*), охранявшая сестру в чужом роде. Этим подчеркивалась связь с родом отца. В косички *ызых сюрмес* доплетали волосы жены старшего брата и жены дяди по матери. Носили их до тех пор, пока были живы родные братья.

Кроме того, согласно обычному праву, замужняя женщина вплетала в волосы накладные косы (*сугынды*), одна из которых обязательно делалась из волос мужа и служила ее личным оберегом (*хоных хуягы*). Она вплеталась в правую косу вместе с накладной косой, сделанной из волос посаженной матери. Если она находилась при смерти и долго мучилась, то считали, что «броня мужа» не дает ей расстаться с этим миром. Тогда ей расплетали волосы и освобождали от накладной косы. Если муж умирал, то вдова расплетала косы и навсегда убирала *сугынды*. Начиная со свадьбы, замужние женщины заплетали свои волосы против часовой стрелки. После смерти мужа они, оставляя концы волос распущенными, заплетали свои косы по часовой стрелке, т. е. так, как заплетали косички незамужние девушки. Заплетание кос и их распускание означали вступление женщины в брак или во вдовство. Обряд соединения волос жениха и невесты бытовал на свадьбе и у монгольских народов⁶. Волосы умерших женщин полностью расплетали. Считалось, что на том свете заплетенные волосы будут ее душить.

При сильном испуге душа *хут* может «выскочить» из тела человека и затем долго блуждать. Для ее охранения применяется магическое слово *хурай*, соответствующее русскому выражению «спаси и помилуй». При магическом восклицании «хурай!» душа возвращается на место в свой «телесный сосуд». Иногда ночью душа *хут* в силу каких-то обстоятельств могла покинуть человека. Признаком ее ухода служило чихание в позднее время. В таком случае произносили магическое заклинание: *Адай котенине кирпар!* – «Зайди в задницу собаки!». Собака, по верованиям хакасов и тувинцев, имела способность охранять человека не только от физической опасности, но и от неприятностей, связанных с миром духов.

Чтобы ребенок не потерял свою жизненную силу, над изголовьем колыбели и под воротником его одежды пришивали раковины каури, которые якобы притягивают душу *хут*. На одежде взрослого человека имелись участки швов под названием *хут сыынчанг* – букв. «место, куда льнет душа». На шве рукавов рубашки подмышками и в местах соединения обшлагов оставляли полоски длиной в четверть пальца, которые скрепляли только швом «через край» (*чорбен*). Под воротником со стороны спины оставляли недошитую полоску шва длиной с толщину пальца для притяжения души. Благодаря таким «проходам» *хут сыынчанг* покинувшая тело душа имела возможность возвращаться назад к человеку. После смерти владельца одежды проходы в швах зашивали.

Надо отметить особое отношение хакасов и тувинцев к пуговицам (*марха*) и воротнику (*мойдырых*), считавшимися хранителями души *хут*. Петельку, на которую застегивали пуговицу, называли *тизи марха*, т. е. «самка», а пуговицу – *иргек марха* – «самец». Предпочтительно было иметь пуговицы круглой формы из серебра или бронзы⁷. Серебро и бронза, согласно народным представлениям, обладали магическим свойством отвращать духов-хозяев местностей и нечистых духов. Горного духа *таг-ээзи* можно было поразить бронзовой пулей из круглой пуговицы (*хола марха*). При продаже одежды обязательно надо было отпороть пуговицы, иначе уйдет счастье. На одежде умершего человека их отрезали. У старой рубахи, пуская ее на тряпки, отпарывали воротник, чтобы освободить душу одежды. Нельзя ходить в рубашке с разорванным воротником, такая одежда может быть только на покойнике во время похорон.

Жизнь человека – *хызыл тын* (букв. «красное дыхание»), как и всех живых существ на земле, связана с душой *тын* (дыхание). Верховный Творец дал ее людям, оживив их дуновением ветерка, гуляющего над бьющим изпод земли источником. Она имеет вид нити, соединяющей сердце с кровеносными сосудами. Смерть наступает якобы в результате разрыва души *тын* с телом. Место разрыва локализуется в районе аорты (*холга*), проходя-

щей у сердца. Улетающая душа *тын* выпархивает через горловое отверстие (у врагов – через задний проход) и, превратившись в птицу (у детей – в ласточку, у взрослых – в журавля, у сказочных богатырей – в девять жаворонков или в кукушку, у врагов – в дятла), улетает в сторону заката солнца. *Тын*, превратившаяся в птицу, сначала опускается на ветви священной березы *пай хазынг*, растущей на горе Сумеру. Саянские тюрки думали, что первоначально душа *тын* превращалась в журавля, а затем уже в более маленькую пташку. Поэтому весной, во время прилета журавлей или осенью, когда они отправлялись на юг, выходили на кладбище и жгли пищу (приносили жертву. – *Ред.*) умершим в этом году. Согласно народным представлениям, весной журавли первым делом кружили над кладбищем и считали новые могилы. Летом они должны были вывести такое же количество птенцов, сколько людей умерло за год.

Важное значение души *тын* отражается в распространенной до сих пор клятве (клянутся «красным вечером» – например: «Если я сказал неправду, то...») *Хызыл ширде хызыл тыным хыйылзын!* – «Пусть красным вечером оборвется моя красная душа!» Закат, т. е. красный вечер, считался самым опасным моментом суток, когда злые силы – *юзюты* – могли погубить душу человека, нарушившего клятву. Характерным признаком дыхания *тын* наделялся также и растительный мир – деревья, травы, кустарники. Растущее зеленое дерево называется *тынныг агас*, т. е. имеющее душу, а сухое – *тыны чох агас* – не имеющее души *тын*.

Согласно мировоззрению хонгорцев, телом человека управляет душа *чула*, являющаяся не только его хозяином, но и его эфирным двойником. Она сосредоточена в зрачках, откуда излучается «огонь глаз» (*харах оды*). Необходимо отметить, что в тувинском языке слово *чула* с древнетюркской эпохи сохранило свое первоначальное значение «свеча». Зрение человека зависело от светящейся души *чула*. Злые силы боятся «огня глаз» и поэтому не показываются перед глазами «воочию».

Также и душа *чула* может ночью покинуть спящего человека, может принять его облик и путешествовать по округе. Вечером запрещалось ложиться спать с грязным лицом. Блуждающая душа по возвращении, увидев неумытое лицо, в страхе может покинуть хозяина. Отсюда происходит потеря зрения и здоровья. Во время сна душа *чула* может выйти из тела в виде двух звездочек, искорок или даже мышки. В одном из мифологических рассказов повествуется, что однажды два охотника, сидя ночью в лабазе, караулили зверей у солонцов. Один из них заснул, а другой бодрствовал. Вдруг из глаз спящего охотника появились два огонька (в вариантах – две мышки изо рта), которые вышли из лабаза, перескочили через ручеек и, покругившись вокруг большого мшистого пня, исчезли

под ним. Через некоторое время они вернулись обратно, но в этот момент компаньон набросил на лицо спящего товарища шубу. Два огонька долго кружили над закрытым лицом первого охотника и затем улетели. Когда спящий товарищ проснулся, то потерял зрение. Он рассказал свой странный сон, как будто бы он переплыл через текущую реку, встретил громадные корни дерева и во мху под ними обнаружил много золота. Второй компаньон все понял. Когда наступило утро, он пошел к месту, где во круг пня кружили два огонька, и нашел там золотые россыпи. Два огонька – это «огонь глаз», которые вышли из тела, но не смогли вернуться обратно из-за брошенной шубы. С тех пор по хонгорскому обычаю лицо спящего человека никогда не закрывают⁸.

Аналогичные представления бытуют среди западных монголов. Г. Н. Потанин у дэрбэтов в г. Улангоме записал следующий сюжет: «Двое спали; один из них проснулся и видит, что душа его товарища вышла изо рта в виде крошечного красного паучка, который живет под камнями; паучок прополз под траву “цагаан дерису”; проснувшийся товарищ кинул в паучка песчинкой, а между тем слюной намазал рот товарищу. Испуганный паучок пустился бежать, хотел попасть в рот, но попал в слюну, долго барахтался и ушел в нос. Тогда наблюдавший все это разбудил товарища и спросил, что он видел во сне. Тот сказал, что он очутился в высоком лесу, там он нашел огромные глыбы золота и серебра (это были золотые и серебряные песчинки), но какой-то охотник выстрелил в него и он бежал, на дороге упал в море и чуть не утонул». Вполне вероятно, что светящуюся душу *чула* притягивает блеск золота.

В начале XX в. среди хакасов распространилось суеверие о вреде фотографии. Так, например, если человек сфотографируется, то его жизненный век сократится на пять лет, так как фотоснимок забирает с собой душу *чула*. В связи с этим хонгорцы закрывали глаза перед объективом, чтобы на фотоснимке не появилось изображение глаз.

После смерти человека его душа *чула* уходит из навечно закрытых глаз и превращается в поминальную душу *сюрюн* или *сюне*. Термин *сюрюн*, вероятно, восходит к арабскому слову *сурет* – образ, а *сюне* к монгольскому *сунэсэн* – душа, дух. В течение года во время поминальных дней душа *сюрюн* незримо присутствует среди живых соплеменников. В остальное время после похорон она обитает на кладбище. Душа *сюрюн* в обычных условиях невидима, но ее можно увидеть, используя магический прием – взглянув через левую подмышку.

Термин *сюрюн* в хакасском языке использовался также для определения некоторых психических состояний человека. Например, словосочетанием *сюрюн пазарга* – букв. «давить душу *сюрюн*» – выражали понятие

«оказывать психическое (моральное) давление на человека». Хакасская мораль осуждала развратную жизнь, поэтому в качестве запрета действовало поверье под названием *сюрню пазылча* – считалось, что психика супруги прелюбодея находится в подавленном состоянии (тот, кто гуляет с чужими женщинами, губит душу своей жены). Если же жена совершит прелюбодеяние, то, в свою очередь, муж будет морально подавленным и скоро умрет.

В хакасской мифологии выделяется неприкаянная душа *хубай* погибшего вдали от родного дома человека. Душа *хубай* в результате насильственной смерти не находит себе покоя в загробном мире и продолжает бродить на месте гибели человека. Ночью она преследует путников в образе желтой собаки. На таком месте требовалось совершить специальный обряд для приглашения души *хубай* вернуться к своему пепелищу. Например, по поверьям, душа погибшего героя Пора-Хазыра или души двух жен одного бая, убивших друг друга из-за ревности на горе Куня, до сих пор бродят в местах своей смерти. Термин *хубай* (*хуби*, *хубу*), по всей видимости, происходит от монгольского *хувь* – «часть, доля, судьба, участь» и имел первоначальный смысл «жизненная доля». В хакасском языке это слово по отношению к человеку употребляется, как правило, в парном сочетании: *хут-хубай* в значении «жизненная доля».

Если человек скончался в другом аале и ему вырыли могилу, а родственники приехали за телом, чтобы захоронить его на родине, то делали кенотаф – *сома*. Отрезали березу по величине умершего, подвязывали к ней какую-нибудь часть его одежды и затем изготовленный кенотаф хоронили в готовой могиле со словами: «Займи его место!»⁹. В случае, когда тело перевозят с места гибели в родное селение, то надо не забыть пригласить часть его души – *хут-хубай*. Для этого на месте гибели умершего завязывают в белую ткань серебряную монету и зовут душу: «Пойдем домой!». Душа *хут-хубай* притягивается к такому узелку и совершает поездку вместе с покойником.

Надо заметить, что термин *хубай*, помимо указанного значения неприкаянной души человека, используется также употребительно к духам-хозяевам природы и стихийных явлений. Например: *от иджезининг хубу* – «душа богини огня» или *таг ээзининг хубу* – «душа горного духа-хозяина».

На севере Хонгорая среди кызыльцев душа умершего человека носит название *эп*. Аналогичное название *хээп* мы встречаем у тофаларов. Например, *олген кижинин хээби* – «душа умершего человека»¹⁰. Согласно представлением кызыльцев, после смерти душа *эп* разделяется на три ипостаси – одна, т. е. сама *эп*, остается вместе с телом, другая – *харазы*, т. е. черная часть души, остается на месте, где умер человек, и становится

душой *ибиртиг*, букв. «кружащая», которая обходит все те места, где при жизни бывал умерший человек¹¹. В таком случае под названием *эп* надо понимать телесную часть души.

Каждый человек обладает своим невидимым спутником – *хагба*, служащим оберегом и защитной аурой. Он сопровождает любого человека от его рождения до смерти. Месторасположение его находится у мужчин на правом плече, у женщин на левом, поэтому мужчинам нельзя плевать через правое плечо, стегать плеткой коня с правой стороны и т. д., иначе можно задеть своего спутника *хагба*. Среди тувинцев *хагба* связывалась с ангелом-хранителем детей, поэтому существует выражение: *Чаитарынга хагбалыг бол.* – «Пусть малыши имеют ангела хагба»¹². В редких случаях он предстает перед своим подопечным во сне. Если во время сна человек испытывает состояние мучительной тяжести, не может пошевелить членами своего тела, то его придавил свой *хагба*. Чтобы этого избежать, необходимо окропить три раза соответствующее плечо. Следует почитать своего невидимого защитника, поэтому во время застолья остаток вина от первого бокала выплескивают через плечо для своего спутника *хагба*. При пренебрежении этим правилом он может отомстить и толкнуть человека на необдуманный поступок.

В зависимости от судьбы каждый человек имел защитную ауру разной силы. Были люди с незначительной аурой, но встречались и обладатели великой *хагбы*. Невидимые защитники людей с большой аурой не уступали по своей силе шаманским духам. Окруженная столь крепкой «броней», душа человека была недоступна для шамана.

После смерти человека его невидимый спутник *хагба* не расстается с ним вплоть до последних поминок. Он совместно с поминальной душой – *сюрюн* – посещает дом в необходимые дни. Через год, на последних поминках, вокруг могилы совершается троекратный магический обход с горящей головней, после которого трижды замкнутый в огненном круге *хагба* навсегда переходит на определенное ему место в ином мире.

Согласно воззрениям хонгорцев, вместе с ребенком рождается ангел-хранитель – *айгах*, который защищает человека всю его жизнь. Он бывает не у всех людей, а только у избранных судьбой. Благодаря своему ангелу-хранителю человек может почувствовать грядущую беду. Человек, обладающий «чистым айгахом», предвидит будущее и заранее узнает о предстоящих событиях во сне. Ангел-хранитель *айгах* способен противостоять шаманской силе. Например, у женщины, имеющей *айгах*, шаман не сможет украсть душу ее ребенка. При приближении шаманских духов – *тесей* – мать младенца под действием ангела-хранителя усиленно начинает зевать, отчего шаманским посланникам не удается совершить свое

темное дело. Возможно, что название *айгах* восходит к понятию *хустыне айгагы* – «птичий коготь». В таком случае по древним поверьям дух-хранитель человека обладал острыми когтями, которые он использовал в борьбе против нечистых духов.

После смерти человека его душа – жизненная сила *хут* – остается на месте смерти и превращается в «черную душу» под названием *харан* (потувински *бора сунезин*). Она тяжело действует на домочадцев, подавляя их активную жизнь. Например, сонливое состояние, вызываемое действиями «черной души», называют *харан пасча* – «давит харан». Шаманы отправляли ее в царство умерших душ, где *харан* превращалась в дух *юзют*. К юзютам относятся души умерших людей, полностью отделившиеся через год после смерти от мира живых и приносящие мирянам несчастья. Страна умерших душ – *юзют чир* – находится в стороне захода солнца, за хребтом *Юттиг тас* – букв. «Дырявый камень», расположенный около устья реки Аны в верховьях Абакана. Юзюты живут там селениями на горе *Читы пунтыг Пулан таг* – букв. «Семиногая Сохатая гора», именуемая по-русски «Шаман». Необходимо отметить, что племена Северного Алтая также отправляли души своих умерших в бассейн р. Абакан, в местность под названием Уйту-таш (Юттиг тас). Например, шаманы челканцев на сороковой день после похорон отводили души умерших сородичей в землю кыргызов в урочище Уйту-таш, где находилась страна их предков. Души умерших должны были пройти через реку по волосяному мосту (*кыл корук*) и через круглое отверстие в скале Уйту-таш. Согласно представлениям кумандинцев, страна мертвых, куда они провожали души умерших людей, также находилась в местности Утту-таш¹³.

В языке тюрков Саяно-Алтая термин *юзют* известен с древнетюркской эпохи. Например, один из видов ритуальной трапезы уйгурских манихейцев носил название *юзют ашы* – букв. «духовная пища»¹⁴. По данным эпических сказаний, главой царства умерших человеческих душ – юзютов – является *Юзют-хан*, властитель ада, который расположен на третьем *таме* (слое, уровне) подземного мира. Он живет в желтой каменной юрте, стоящей на берегу Желтого моря, под Желтым хребтом. Юзют-хан женат на одной из дочерей семи эрликов по имени *Чис Сибелдей*, от которой имеет четырех детей. Его сыновья с собачьими головами носят имена: *Юзюм Молат* (*Юскер Моке*) и *Хара Мотегей*. Две его дочери – *Юченг Арыг* (*Юзюм Арыг*) и *Юзюм Чачах* – имеют неприятную внешность. У них заячьи зубы, овечьи глаза. Расстояние между глаз больше четверти, расстояние между ушей больше сажени. Они носят по три косички из пестрых змей, т. е. являются старыми девами. Юзют-хан и его дети вредят людям Солнечного мира¹⁵. Старые девы, по народным представлениям, относились к разряду

дьявольского отродья (*чурт айназы*) и поэтому носили три косички сюрмес, словно дочери Юзют-хана. От них ожидали несчастья даже после их смерти.

На закате солнца – «красным вечером», когда солнце освещало царство умерших душ, юзюты на короткий миг врываются в хакасские селения. На «красный вечер» нельзя петь, свистеть и кричать – откликнется юзют, и человек заболит, столкнувшись со злым духом. При выходе из дома обязательно надо три раза подуть на огонь очага, иначе юзют поцелует губы. Обветривание губ, по хакасским понятиям, было связано с поцелуем злых духов (*юзют охсанган*). Они любили лобызать мокрые губы, если после принятия пищи их не вытирали. Для лечения необходимо было три раза «поцеловать» горящий уголек из очага и три раза плюнуть. Эту процедуру повторяли три раза. Огонь очищал человека от злых духов.

Хонгорцы и тувинцы соблюдали обычай «держания красного вечера», когда следовало сохранять «полное спокойствие», связанное с рядом запретов: не шить, не читать, не спать, не играть, не стряпать и т. д. Если день в языке саянских тюрков ассоциировался с понятием солнца и жизни, то ночь отождествлялась со временем действия темных сил. Ночью мусор из дома не выносили, денег в долг не давали, имя человека не называли, молочные продукты не трогали и т. д., иначе можно потерять счастье (удачу). На ночь обязательно закрывали продукты, так как юзюты готовы обнюхать любую еду. Оставшуюся на ночь в открытой посуде пищу утром отдавали собакам, остерегаясь заболеть.

По островам рек растет ольха – кустарник с красной корой и синими ягодами, называемый *юзют агачы*, т. е. «дерево юзюта». Его нельзя трогать детям, иначе в дом явится юзют и могут погибнуть родители. Тем более этим кустарником нельзя топить печь или стегать скотину.

Иногда в местах бывших кочевий ночью виднелись призрачные огоньки, горящие синим пламенем и называемые по-хакасски *юзют оды* – «огонь умерших душ». Они встречаются в местах, где проказничает нечистый дух. Необходимо его окропить вином и тогда наваждение исчезнет. Верили, что на глаза они попадались не к добру. Некоторые старики объясняют подобное явление свечением заброшенных очагов, где находятся голодающие духи-хозяйки огня. Если *юзют оды* светится на кладбище, то это горит поминальная душа умершего человека. Подобные призрачные огни заманивают путников к себе, но они небезобидны – путник может найти там свою погибель. Завороженный человек пускается вслед за огнями, но никогда не достигает их. Подобные представления существуют, например, среди кыргызов Тянь-Шаня, у них блуждающие огни носят название *албасты оту* – огонь демонического существа *албасты*¹⁶.

Согласно народным представлениям душа умершего человека в самой последней своей стадии превращается в ночную бабочку, поэтому ночные бабочки называются *юзют хубаган*, т. е. «мотылек души умершего». После гибели ночной бабочки душа исчезала окончательно.

Саянские тюрки представляли рождение человека, его жизнь и смерть связанными с различными ипостасями души. У хакасов насчитывалось до семи видов душ, имеющих свои названия и свои функции. Душами обладали как сами люди, так и их одежда. Благополучная жизнь зависела от успешной охраны жизненной силы *хут* и духа-хозяина человека *чула*. Смерть происходила от несоблюдения законов поведения и нарушения каждодневных запретов. Особенно опасным считался девятый год каждого десятилетия жизни человека и «красный вечер» каждого дня. Души умерших людей отправлялись в страну мертвых, где они вечно обитали, превратившись во врагов «солнечного» человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1968. С. 17.

² Тем не менее мы не разделяем мнение некоторых авторов, склонных считать, что душа человека находится в костях как основе тела. Основанием для таких рассуждений стал широко распространенный запрет ломать кости во время свежевания туши зверя, которую расчленяют строго по суставам (см. например: *Анжиганова Л. В.* Традиционное мировоззрение хакасов (учебное пособие). Абакан, 1995). Мы, в свою очередь, считаем, что целые кости должны послужить новой конструкции, но не одушевлять ее. Подробнее об этом см.: *Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. С. 79.

³ Информант Ф. Саламачева, 1905 г. р., кызылка, аал Заплот.

⁴ *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 1903. С. 148.

⁵ *Кенин-Лопсан М.* Мифы тувинских шаманов. Т. 2. Кызыл, 2002. С. 32.

⁶ *Курбатский Г. Н.* Указ. соч. С. 145; *Очир А., Галданова Г. Р.* Свадебная обрядность баятов МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 41.

⁷ *Сат-Бриль Л. Ш.* Традиционная верхняя одежда тувинцев // Культура тувинцев: традиция и современность. Кызыл, 1988. С. 45.

⁸ *Бутанаев В. Я.* Указ. соч. С. 85–86; *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 358.

⁹ Информант А. П. Арыштаева, 1915 г. р., качинка, аал Туим.

¹⁰ Информант В. А. Кусаев, тофалар, селение В. Гугара.

¹¹ Информант А. Н. Саможекова, 1910 г. р., кызылка, аал Кичиг хамнар.

¹² Тыва улустун алгыш-йорээлдери. Кызыл, 1990. С. 12.

¹³ *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 66.

¹⁴ Древнетюркский словарь. С. 674.

¹⁵ Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. №146. С.142.

¹⁶ Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1965. С. 582.

П. Ф. Лимеров

ОБРАЗ БОГИНИ-МАТЕРИ В МИФОЛОГИИ КОМИ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Ко времени принятия христианства в XIV в. коми имели достаточно развитую религиозно-мифологическую систему, уходящую корнями к религиям североевразийских охотников на лосей и оленей верхнего палеолита и мезолита. Об этом можно судить по средневековым шаманским бляшкам пермского звериного стиля, образы которых находят соответствия с культовыми изображениями Северо-Восточной Европы, Западной Сибири и Приуралья эпохи каменного века.

**Прорезная бляха. VII–VIII вв.
Крылатый человеколось стоит
на ящере**

Троицко-Печорский район,
Республика Коми. Бронза, литье

Это и наскальные изображения водоплавающих птиц, медведей, лосей, высеченные первобытными художниками в скальных породах Карелии и Урала, и скульптурные изображения лосиных голов, выполненные из дерева и кости мамонта, деревянные ковши, ручки которых вырезаны в виде голов водоплавающих птиц, и многое другое. Все это свидетельствует о том, что у народов и племен, живших на огромной территории в течение многих тысяч лет, были фактически сходные мифологические представления. Это была мифология Леса, а народы, которым она была присуща, объединялись не только критериями языка, но и общностью культурной традиции, принадлежностью к охотничье-промысловому культурно-хозяйственному типу общества.